

ЛАМПАДА ИЛЫИ МУРОМЦА

Догорел у киота огарок свечи.
Развалилось крыльцо. Прохудилась бадья.
Тридцать лет и три года сидел на печи
Хворый костью и телом болящий Илья.

Старый дом по макушку в сугробины врос.
А в округе — раздолье ворью и зверью!
Но снегами прошёл мимо хаты Христос
И помиловал нищего духом Илью.

— Ты с запечка слезай-ка, Илья, своего,
Повоюй за Христа, род спасая людской! —
И вошла в него сила — сильнее всего,
Что на снежной Руси рождено под луной.

Встал Илья воевать — во всю удаль и ширь —
За Христовую Русь, исцелённый Христом.
Тот, кто Богом богат — на Руси богатырь
С харалужным мечом и червонным крестом.

Оседляет коня да взмахнёт булавой —
Все вражины в сугробах лежат на версту.
Но с понурой бредёт богатырь головой,
И смертельно тоскует Илья по Христу:

— Эти горе-враги не сильнее овцы!
Меч их рубит, а сердце скорбит о другом.
Исцелённый Христом, я пойду в чернецы
Воевать со грехами крестом и постом!

Даже силушка Божья — без Бога пуста!
Станет ржавью мой меч. Станет прахом мой конь.
Но зажгу я лампаду от Света Христа,
Чтобы цвёл над снегами бессмертный огонь!

Ты отведаешь, Родина, горя и слёз.
Враг посевет затопчет и храмы спалит.
Но пройдёт мимо нищенской хаты Христос
И великою силой тебя напоит!

* * *

Закаты и зори алеют,
Летит одуванчиков пух.
Ещё мою маму жалеют
Крапива, сирень и лопух.

В окошке подъезда, как в арке, —
Двор в мутных разводах стекла,
Где прыгала я на скакалке,
Где зрелость её протекла.

И в старенькой-старенькой раме
Видны все земные пути.
И старенькой-старенькой маме
Уже далеко не уйти...

И жизнь её тихая сжалась
До листьев шагреновых лип,
До взгляда, где прячется жалость,
До сердца, что вечно болит.

До сердца, до тихого взгляда,
До белых-пребелых седины,
До вырубки старого сада
С прошедшим — один на один.

ЦВЕТЫ ПОД НОГАМИ

Снова чёрная тень над твоей головой.
Топчет каждый идущий — любому не лень.
Мы раскрыли глазища в пыли золотой,
Проживая отпущенный солнечный день.

Мы с обочин, из недр, из поющих глубин,
С придорожных канав, с прибольничных лужков,
С приострожных колдобин, забытых равнин,
С приовражных тропинок, сухих бочажков.

Что не так? Ведь никто не просил нас расти
И наивно таращить глаза от земли.
Будто солнце упало и светит в пыли...
А идут по нему — так должны же идти!

Но, всегда любопытно-глазасты к другим —
Солнцу, с неба упавшему, мир — не указ! —
Мы застенчиво смотрим и робко молчим,
Если кто-то случайный посмотрит на нас.

И не зная, зачем понапрасну страдать
О судьбе горемычной — вы это всерьёз?
Мы особо не сетуем — что горевать?
И особо не плачем — что толку от слёз?

Ты смирись и расти под ногами времён.
Кто идёт — тот сорвёт, кто идёт — тот сомнёт.
И головкой отвешивай низкий поклон,
Если кто-то увидит и кто-то поймёт.

* * *

Поглядит Серафим с почерневших икон —
И опять ты ребёнок, и Богом прощён.

Он в накидочке старой, с сосновой клюкой,
Обнимает медведя и крестит рукой.

Он насквозь тебя видит и ясно твердит
С камня тысячи дней неустанных молитв.

В лепет детства, в сияющий свет бытия
Бесконечное, тихое: “Радость моя!”

Заповеданный лес. Заповеданный свет.
В миг молитвы запрятаны тысячи лет.

Мир, на травы летающий. Звон соловья.
Неустанное, тихое: “Радость моя!”

Только разве я радость? И разве я свет?
Посмотрю на себя — ничего во мне нет.

Только тихие слёзы от счастья бегут.
Только тихие губы молитву поют.

И твержу, и твержу окаянная я,
Словно главное вспомнила: “Радость моя!”

* * *

Два красных куста — окровавленных, кровных.
А в сердце поёт благодатное Небо,
Что всё не случайно, и вырос шиповник
Над ракой Бориса и ракою Глеба.

Над поймами — ивы, над ивами — хólмы,
Над хólмами — облачный город. И снова —

Над облаком — просишь долиною ровной,
А дальше — великие Царства Христовы.

И чудится: братьев, безвинно убитых,
Распахнута кровью священной Небо,
И руслом днепровским в звенящих ракетах
Вся Русь пролегла — от Бориса до Глеба.

И кровь та святая течёт и поныне
По венам и рекам великой наградой
Из Киева в Вышгород — к тихой Смядыни,
И вновь от Смядыни — до Вышнего града.

И в ивах звенит, и в болотцах с осокой,
И в утках, утят выводящих на стрежень,
И в песне старинной, бездонно высокой,
Над вольным раздольем днепровских безбрежий.

Себя потерявший за буйною новью,
Ты спросишь растерянно: “Что это значит?”
Искуplen и ты драгоценною кровью,
Той братскою кровью — о чём же ты плачешь?

Смотри: от России к далёкому устью
Днепр ищет пути сквозь пороги и броды
К садам Украины и льнам Беларуси,
В Священную Русь собирая народы.

Что братские распри? Что братские слёзы?
Что войны народов? Что боль ножевая?
Искуплено всё — и днепровские лозы
Омыла ты кровью, вода ключевая!

Здесь всё искупили — давно и навеки —
Святые и пахари, земли и воды,
И помнят, струясь, полноводные реки
О том, что давно позабыли народы.

А утки летят растревоженным клином
Над древнею Русью, над вечною Русью,
Над буйной седой головою повинной —
И Днепр звенит — от истока до устья.

* * *

Ни зги не видно в глубях ночи тёмной.
Лишь гул шоссе и дальний лай собак.
И снова беспредельную огромность
Земного мира выявляет мрак.

А в кронах сосен, в черноту воздетых,
Ещё громадней всей земли обочь,
Летят планеты, движутся кометы,
Мерцающая звёзды шествуют сквозь ночь.

Равнины спят. Материи унылой
Уже не встать над смертным в полный рост:
Ты, Космос — Царь. Но беспредельной силой
Связал тебя спасающий Христос.

И потому над речкою и полем
В разумной, шевелящей звёзды мгле
Огромною безбрежной Божьей волей
Всё движется на небе и земле.

А я — песчинка — говорю с Тобою
Сквозь шелест крон над далью вековой,
И благодать прощенья надо мною
Сильнее смертных звёзд над головой.

Ты дал нам дар дерзанья и свободы,
Чтобы смогли мы, жизнь пройдя и смерть,
Преодолеть земную власть природы
И вечным Словом звёздам повелеть.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

В доверии детском похоже на лиру,
Сердечко цветка розовело в ладонях,
Легко открывая печаль свою миру,
Наивно не зная сердец посторонних.

И в душу входили с настырностью долга
Любовь и беда, если в память взглядеться,
И эти цветы вспоминала я долго
За меткость названья: “Разбитое сердце”.

А дальше... Из мраков и пеплов восстала
Миры сокрушившая дикая сила.
Страну размололо. Друзей разбросало.
Судьбу поломало. Цветы опалило.

Не стало державы — жила на руинах.
Все в землю ушли — и любимый, и ворог.
Разбитое сердце мечтаний старинных,
Как сладко тебе от наивных укоров!

Ты счастливо за полчаса до страданья
Не знать, что придёт жестокой порою
Держаться за горестный хлеб выживания —
И выжить. И сердце поднять над землёю.

Я лишь хохочу над наивной мечтою,
Когда от несчастий мне некуда деться:
Разбитое сердце — безумье какое!
Безумье какое — разбитое сердце!

Его не разбить ни измене, ни страсти,
Ни смерти, ни горю, ни зною, ни вьюге,
И если весь мир разлетится на части,
Оно уцелеет и в Дантовом круге.

Что было — то было. Что было — то сплыло.
Как можно разбить, что от Бога не бьётся?
Летит моё сердце над далью унылой
И светит живым. И над болью смеётся...